

Артемий Лебедев, дизайнер, глава Студии Артемия Лебедева,
один из самых активных деятелей российского Интернета

1. С какой традицией русской культуры вы себя отождествляете?

Мне наиболее близки классические традиции, а также революционная культура 20-х – 30-х годов XX века.

2. А какую эпоху русской культуры вы считаете вершинной – те же 20-е годы или что-то другое?

Вершина, кульминация была именно в 20-х годах, от 20-х до 30-х. А потом все это плавно загнило, и вообще ничего не осталось.

- Выходит, ничего из наследия этого времени мы не сохранили. Тогда попробую спросить: а что именно вам близко в 20-х годах?

Я говорю от лица своей профессии. С моей точки зрения это было время, когда русская традиция, русская школа, выросшая на основе крепкой старой традиции, так сказать, прочной царской школы, добротного классического образования, получила возможность реализовывать такие идеи, какие раньше были либо не нужны, либо не возможны, либо не актуальны.

- Может быть, назовете какие-нибудь имена?

Не будем делать акцента на именах: Родченко, Лисицын и далее все подряд...

3. Как сказались на развитии русской культуры завершение советского периода истории России?

Как раз сейчас у нас глухой совок. Поэтому рано говорить о завершении советской культуры – налицо ее яркий расцвет. В первые примерно тридцать лет существования Советского Союза завершалась прошлая культура. В 50-х годах закончилась старая школа, сформированная в начале века.

- То есть до 50-х годов мы дожили со старыми запасами...

До 50-х годов были живы люди, которых учили те, кто сложился в дореволюционное время. Сначала вышли на пенсию или умерли те, кто жил при царе, потом – их ученики. С 50-х годов, примерно при Хрущеве, начался полный культурный застой.

- И он продолжается до сих пор?

Сейчас мы разгребаем людей, которые выросли на полном отсутствии чего-нибудь, среди серых бетонных стен и коробок, среди хрущоб, людей, которые больше ничего не видели. Особенно это усугубляется тем, что ныне им даны компьютеры. Я не пытаюсь говорить о музыке или балете, я в них не очень разбираюсь. Я говорю о своей профессии. Что касается графической культуры, то мы сейчас расхлебываем полную безграмотность тех лет, последствия борьбы с украшательством и полного отсутствия всяческой эстетики: книжки тогда было принято набирать на пишущей машинке и размножать на ротапринте. Полное отсутствие визуальной культуры, полное отсутствие шрифтовой культуры, и все это в грандиозных масштабах. Компьютер не помогает тому, кто не знает, как им пользоваться.

- Понятно: советский период не кончился, он приобрел махрово-загнивающий характер. Тогда следующий вопрос...

4. Ощущаются ли изменения в культурной ситуации в связи с приходом нового лидера?

Вопрос политизированный, но, как ни странно, я считаю, что такое могло бы быть, но не случилось. Вспомним старые времена. Такие заметные люди, как Петр Первый, или Сталин, или, скажем, Гитлер, были тиранами, душегубами, – но они сильно влияли на культуру. Например, Гитлер с Муссолини переписывались по поводу шрифтов. А Петр Первый собственноручно рисовал гражданский шрифт, заказывал его в Голландии и внедрял. Сегодня представить себе такое невозможно, потому что современный лидер, может быть, любит Шилова, но на большее у него вкуса не хватает.

- Шилова любит, кажется, Лужков, а не Путин...

Влияние на культуру выпало из диапазона интересов лидеров вообще, в любых странах. Это теперь не политическое дело.

- И правда, трудно себе представить, что Джордж Буш занимается проблемой шрифта...

Это теперь скорее привилегия мэров, которые при участии всяких комиссий и общественных советов решают, ставить такой-то памятник или не ставить.

- Остается только выбирать толковых мэров.

5. Восстанавливается ли по вашему мнению государственная опека культуры и нужна ли она?

Наверное, многие люди считают, что нужна, и поэтому существует такая организация, как Министерство культуры. Это словосочетание кажется мне чудовищным. Культура живет сама по себе, сама развивается, это самостийное явление. Если под культурой подразумевается хор женщин в кокошниках, поющих русские песни, которые никогда никакой народ не пел, – это не культура, и я не считаю нужным ее поддерживать, хотя как налогоплательщик ничего с этим поделаться не могу.

- Но, допустим, существует хороший музей, пусть вашего любимого авангарда 20-х годов. На какие деньги он должен жить?

Я считаю, что на частные взносы.

- А если наши состоятельные люди не доросли до того, чтобы содержать такой музей, и охотнее вкладывают капиталы, например, в того же Шилова?

Для музея это будет дополнительный стимул сделать что-либо интересное. Если музей никому не интересен – не нужно его поддерживать.

- Если государство не будет поддерживать Ленинку – ныне Российскую государственную библиотеку, она умрет. И от этого будет всем нам плохо, книжки будет брать неоткуда.

Для этого не нужно Министерство культуры. А Ленинка могла бы прожить на читательские взносы, если бы она их брала.

- Но это может оказаться не всем доступным.

А туда и так не всех пускают.

- Положим, нынче всех пускают.

Все равно, не все материалы доступны. При коммерческом подходе библиотека была бы заинтересована мне их предоставить.

- Но, значит, вы считаете, что нужно приближаться к такому идеалу, когда хоть Ленинка, хоть любая другая организация сможет прожить на собственные ресурсы?

Сегодняшнюю ситуацию я могу сравнить с системой домоуправлений: плати квартплату или не плати, все равно у вас будет течь в подъезде и не будет лампочек. Если бы этим занималась коммерческая организация, живущая на абонентские взносы, она работала бы совершенно иначе. Ей бы иначе просто денег не платили бы.

- А все же наше государство что-то делает в этом направлении?

Я считаю, хорошо, если из Министерства культуры уходят какие-то деньги на библиотеки, но плохо, когда деньги уходят на установку нелепых памятников, на поддержку программ какого-то мифического культурного обмена, всяких хоров и прочего.

Насчет хоров – совершенно согласна.

б. Как соотносятся понятия «элитарность» и «народность» в новую эпоху?

Сегодня понятие «элитарность» в написании «элитность», конечно же, существует на страницах рекламных изданий. У нас сейчас все элитное, эксклюзивное, VIP. На самом деле все так промаркированное является плебейским, абсолютно плебейским и бездарным.

- А в настоящем смысле?

У нас очень много народного и практически отсутствует элитное.

- Народного в прямом смысле или в кавычках?

Народного в кавычках – того, что любит народ. Народное без кавычек существует пост фактум, его очень трудно увидеть сегодня. Вот мужик, который сегодня вырезает ложку, – это вроде не народное, он скорее рассчитывает на американца, который мимо проходит. А через сто лет ложка может оказаться народной.

- Но так не было раньше. Скажем, в Соловецком монастыре резали ложки, их покупали богомольцы, а про американца и помину не было...

Значит, тогда богомолец был клиентом.

- Все-таки, когда-то эти понятия существовали, а сейчас их нет – или как?

Я думаю, что они всегда были в достаточной степени условными. Достаточно почитать наших классиков 19-го века, чтобы понять: образ русского мужика и у них был довольно условным. Они его культивировали.

- То есть русский-то мужик существовал, но представление о нем в литературе было сконструированным...

Да, так же, как был тогда сконструирован славянский шрифт, который в таком виде никогда не существовал – я имею в виду ту условную «вязь», которую ныне можно увидеть в Москве повсюду. Это то же самое, что мужик в русской литературе. Народ так никогда не писал и не читал: он читал либо церковнославянский

шрифт либо уж гражданскую печать. А сейчас пишут вязью на коробках с шоколадом.

- И тут вся народность. Вместе с картинкой из Третьяковской галереи... Или из Шилова.

7. Понимаете ли вы свою деятельность как служение и в каком смысле?

Нет, пока это не служение. В моем случае это скорее похоже на миссионерство.

- Ну, если доктор Швейцер едет в Африку и там просвещает и лечит туземцев, это и миссионерство и служение.

Нет, к служению я не готов.

8. Какое влияние оказывает на русскую культуру процесс глобализации мирового культурного пространства?

По-моему, это было всегда. Если мы вспомним историю, хоть далекую хоть недалекую, редко искали что-нибудь хорошее у себя под носом. Московский Кремль заказали итальянцам строить. Что это, как не глобализация тех времен? Хотели самую лучшую архитектуру: вокруг одноэтажные деревянные постройки, собаки и мордобой, а тут стоит такой Кремль из красного кирпича. Типичная глобализация и желание сделать, как на Западе.

- Это понятно, но есть еще другая сторона – не обмен культурными ценностями, а повсеместная унификация сознания.

Унификация не работает. На самом деле вся идея глобализации – большой миф. Есть транснациональные кампании, которым в один прекрасный момент становится тяжело поддерживать 20 разных направлений в разных странах. Они не понимают, как это вдруг их реклама в России выглядит по-другому. Неважно, какой фирмы кофеварка или стиральная машина – она вся состоит из частей, сделанных в разных странах. А что на ней стоит, например, знак немецкой фирмы – не имеет никакого значения. Немецкий производитель рекламу нарисовал, Китай ее напечатал, в Тюмени машину продали. Реклама может быть одинаковой во всех странах – компании трудно иметь 20 видов рекламы, ей легче с одним проектом. Это и есть глобализация, когда «Макдональдсу» становится скучно придумывать разные национальные меню. Все превращается в один усредненный список артикулов, а потом разваливается. Как только дело дойдет до полной унификации, народ от этого откажется, потому что ему надоест, потому что на самом деле в каж-

дой стране есть свои тонкости. В русском ресторане нельзя запрещать курить, и глобализация тут не сработает. Глобализация – удобное средство для борьбы. Например, существовал миф о компьютерной ошибке 2000 года – ее на самом деле не существовало, но весь мир с ней боролся, потратив много миллиардов. Ошибка эта и не могла существовать. Но зато – красивое ключевое слово.

- А вам не обидно, что в условиях глобализации весьма изысканное искусство может стать предметом ширпотреба?

От того, что в каждой кофейне представлено 40 сортов кофе и они там разнесены по разным странам, вы, не являясь знатоком кофе, будете лучше понимать особый вкус кофе с острова Ява?

- А насчет профанации идеи единства мира в высоком философском смысле?

Да нет такого единства, каждый живет в своем пространстве радиусом в 10 километров.

9. Сложилась ли в России новые взаимоотношения церкви и государства и как это сказывается на русской культуре?

Сказывается, и не в лучшую сторону, мне кажется. Отношения тоже формируются: чем дальше, тем меньше ты можешь что-нибудь сказать против церкви, чтобы это не оказалось неловкостью. В какой-то момент подобное высказывание превратится в очень серьезную политическую некорректность. Сказать что-нибудь против церкви будет просто нельзя, и это категорически недопустимо.

- Это политическая сторона. А по сути?

По сути все боятся сказать, как есть на самом деле. На Пасху политики выходят перед телекамерами в храм, и делают это практически обязательно. Не место там телекамере. Поскольку нам это каждый год показывают, значит, такова политика государства, телеканалы сами по себе этого не придумают, и политики просто так не пойдут помолиться перед софитами.

- А традиции православной церкви? Она всегда оказывала влияние на дела государства...

Она всегда была еще одной ветвью государственной власти. В любой стране всегда имеется много людей, у которых не хватает душевных сил, чтобы самим с собой разобраться. Они идут в такую организацию, где есть чины, ранги, униформа, рост по служебной лестнице, обряды...

- Подпорка для слабых?...

Да, военизированная организация с иерархией, с торговым знаком в виде креста, с униформой, которая различается по чинам, со своими праздниками. Это не просто, конечно, военная организация, она имеет душевные отношения с людьми: чиновнику никто не станет исповедоваться. Это психологически организующая, очень важная социальная структура, но по сути еще одна государственная ветвь. Так было всегда, и сейчас к этому потихонечку церковь хочет вернуться. Но если раньше имелась одна церковь, отколовшихся было немного, то сейчас – много церквей, и все они борются за власть в своем избирательном округе.

- Эта ситуация оказывает влияние на культуру? Ну, наверное, не на ваши дизайнерские устремления, а на литературу, на кино?

Почему же, и на мои тоже. И на кино, и на литературу. Церковь всегда может что-то запретить. Примеры имеются.

- А другие функции, кроме запретительной?

Нужно помнить о косности этой среды. Возьмем разницу между юлианским и григорианским календарем, которая каждый век должна увеличиваться на один день.

- Очень интересная тема...

Вот наступил XXI век. И что? Мы уже второй год будем праздновать Рождество не с 7 на 8, а по-прежнему с 6 на 7 января. Потому что никто не может себе представить, что все праздники сдвинутся на один день – слишком привыкли за сто лет. И чем дальше, тем хуже, потому что через пару лет уже невозможно будет изменить календарь, который сдвигали последний раз в начале XX века. Между прочим День согласия и примирения мы тоже празднуем не 8, а 7 ноября – но революция-то была 25 октября.

- По-моему это дело сакральное, лучше его не трогать.

10. Является ли завершение постсоветской эпохи завершением определенного этапа в развитии русской культуры и можно ли говорить о новых тенденциях?

Нет, нельзя, потому что не важно, сколько нулей в году. Люди как жили, так и живут.

- Все же цифры оказывают влияние на сознание людей.

Людям это кажется.

- Но важные события часто происходят на хронологических рубежах.

Ничего не происходит. Вспомните, что Первая и Вторая мировая войны не связаны ни с какими рубежами. Всегда найдется сотня человек, которые при конце века или тысячелетия лягут в гробах и будут ждать конца света. У нас идет постсоветский период, начавшийся в 1991 году. Мы же взяли на себя ответственность за СССР и будем с этим жить долго.

- А новые тенденции есть?

Попробуйте отъехать за 20 километров от Москвы, и все эти мысли у вас сразу выветрятся. Как там был 19-й век, так он там и остался. Достаточно посмотреть на дома, на то, как люди живут.

- Ну, что-то меняется, а новые дома пока просто не на что людям строить.

Может, и меняется, но пока в непонятную сторону. Новая власть никому ничего не обещала. Она говорит: живите, как хотите. Никто не знает, куда кто идет. Это очень опасно – ничего не обещать, не ставить никаких, даже далеких, целей.